

О ЦЕЛЯХ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА» И ИСТОРИЧЕСКОМ ВЫБОРЕ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Д.Е.Муза

докторант кафедры философии

Донецкого национального технического университета

Статья посвящена анализу проблемной ситуации в светосистеме, яку породжено експансією західної цивілізації. Історичний вибір східних слов'ян у цих умовах, – це реанімація їхнього ціннісно-культурного досвіду.

Ключові слова: глобалізація, “новий світовий порядок”, східнохристиянська цивілізація, історичний вибір.

Сегодня мало у кого остались сомнения в том, что в мире восторжествовал “новый мировой порядок”, т.е. невиданный ранее пасьянс политических сил, скрепляемый сетью транснациональных корпораций и финансовых институтов, поддерживаемый военно-политической машиной НАТО и имеющий эшелонированную информационную поддержку. Сомнения существуют относительно другого: легитимности этого “порядка” или социокультурного признания субъектами нынешнего этапа истории такого общемирового положения (дел).

Итак, гетерогенное в культурно-цивилизационном отношении мировое сообщество все больше привыкает к контурам Pax Americana, т.е. экспансии институтов, ценностей и образа жизни, сложившихся в ходе эволюции атлантической цивилизации. Последняя суть фазис в развитии западной цивилизации, ее наиболее технологичный, индивидуалистически-утилитарно-центрированный, фундированный протестантским этосом, вариант бытия-в-мире.

Естественно, что в ситуации глобальных рисков и тревог, инициируемых мировым гегемоном, возникает необходимость в философско-исторической рефлексии бытия восточнохристианской цивилизации, осмыслении ее “ответа” на стратегию Запада по встраиванию траектории славянского развития в мировой кондоминиум. Это и является целью данной статьи.

Концептуальное осмысление онтологических оснований «нового мирового порядка», общей его архитектоники, а также имманентных предпочтений и ценностей, – начато сравнительно недавно. Причем, исследования, ведущиеся в этом направлении отличаются своим противоречивым отношением к нему как некоторой данности, природы которой, нуждается в уточнении и

объективной оценке. Тем более в конкретизации нуждается логика исторического движения тех макросубъектов, которые стали объектом воздействия со стороны объединенного Запада. И, прежде всего, – восточнохристианской цивилизации (восточнославянского общества).

Среди многообразия работ аналитического плана, посвященных этому предмету следует упомянуть тексты украинских (Ю.В.Павленко, Б.Н.Новикова), российских (Ю.Н.Семенова, Н.Н.Моисеева, А.С.Панарина) и зарубежных (З.Баумана, Э.Тодда) авторов [1; 4-8; 10]. В этих работах выявляются различные аспекты нового мироустройства: от экономического и политического – до демографического и культурно-информационного. Например, Ю.В.Павленко расшифровал основное противоречие глобализации (в плоскости: Западная цивилизация – остальной мир) через структуру ее процессуальных уровней, обобщает: “Утверждающийся новый мировой порядок вполне устраивает западное общество, взятое в целом. Более того, оно находит в нем реализацию идейно-ценностных, общекультурных установок Западной цивилизации Нового времени, наиболее четко выраженных в протестантизме, в особенности в кальвинизме с его верой в богоизбранность удачливых предпринимателей, использующих остальное человечество и природную среду в качестве средства для достижения своих выдаваемых в качестве “богоугодных” целей” [6, 588-589]. Однако украинский автор оставляет без надлежащего концептуального ответа, вопрос о месте и роли восточнохристианской цивилизации. Взвешенную позицию в этом вопросе, опирающуюся на марксистское понимание механизма и целей исторического процесса, плюс новейший опыт Запада по переплавке россий-

ской цивилизации (СССР), – в аморфно-поддатливые образования, занимают Б.В.Новиков и Ю.И.Семенов. Первый считает, что в сложившейся ситуации мировой дестабилизации, если “будет жива Россия (как особый тип цивилизации, неповторимый этнокультурный, поликонфессиональный, полиязыковый сплав, исторически и морально подтвердивший свое право на жизнь – Д.М.) – будет жить мир” [5, 30], то второй исходит из факта “глобальной классовой борьбы” и, как следствие, возникающих (для незападных регионов) задач слаженного противодействия “ортокапитализму” с его аморализмом и тенденцией дегуманизации культуры [8, 285-314]. И в первом, и во втором случае дальнейшая судьба восточных славян и других народов, вовлеченных в эту цивилизационную орбиту, связывается с реанимацией ценностно-мировоззренческого порядка, а за ним, и всего объема культурно-исторических универсалий.

В контексте затрагиваемой проблемы представляется интересной гипотеза покойного академика Н.Н.Моисеева, в соответствии с которой, “новый мировой порядок” (PAX AMERICANA), постепенно уступит свое политическую, экономическую и культурно-информационную гегемонию новым центрам силы (Япония, Китай, Германия и, должно быть, Россия). Это случится тогда, когда иные цивилизации наконец-то поймут “что значит мир ТНК и его законы” [4, 170]. Подобный экономично-центристский взгляд, подкрепляемый технико-технологическими факторами, во многом правдив, но “за кадром” остаются внеэкономические, и в частности, ценностно-моральные мотивации субъектов. На их особую роль в современной ситуации обратил покойный А.С.Панарин [7]. В своей последней работе российский автор высказал гипотезу о том, что XXI ст. станет веком “глобальной стратегической нестабильности”, поскольку он открывается глобальной войной, развязанной США (Югославия, Афганистан, Ирак). В основе этой войны лежит “замысел глобальной экспроприации” [7, 50], а ее идеологическим обеспечением выступает неолиберализм, базирующийся на “потребительско-гедонистической утопии мира”. Для ее реализации требуется захват ресурсной базы планеты, а значит, устранение всех тех, кто (по историческому недоразумению) владеет ими. В подобной ситуации задача России, – попытаться консолидировать “униженных и оскорбленных”, неприспособленных к глобальному “рынку” с его социалдарвинистскими джунглями, – вокруг этиче-

ских ценностей христианства и Просвещения.

В западной социальной философии также предпринимаются попытки артикуляции современных реалий. Так, британский социолог З.Бауман, давая дискрипцию рождающегося “всемирного общества”, указывает на то, что “новый мировой порядок” более похож на “новый мировой беспорядок”, поскольку его “устойчивость” обеспечивается “слабыми” государствами, неспособными к самостоятельной политике, будь то торговля, финансы, промышленная политика и т.д. [1, 96-99]. Другой европейский интеллектуал – Э.Тодд, в своей новой работе доказывает тезис о вступлении США в фазу глубокого системного кризиса. Прежде всего он обращает внимание на внешнюю сторону дела: своей методично проводимой хищнической политикой Америка сделала себя источником международной нестабильности. Причина этого – в отходе от провозглашенного творцами сверхнации, – универсализма, как внутри страны, так и во внешней политике [10, 119-142].

Итак, канула в Лету Вестфальская и Ялтинско-Потсдамская системы международных отношений, а на смену им, как то подчеркнуто навязчиво внушают из Вашингтона, водворился “новый мировой порядок” с соответствующей системой норм жизни обществ (цивилизаций), находящихся на различных этапах культурно-исторической эволюции. Более того, после войны в Югославии мы наблюдаем углубляющийся кризис в деятельности основной правозащитной инстанции – ООН, не способной обеспечить защиту прав тех государств, чье население и территории подвергаются перманентному “гуманитарному вмешательству” сильнеешего. В этой связи, необходимо присмотреться к интересному (с историософской точки зрения факту): США не только сохранили все инструменты “холодной войны” (Пентагон, ЦРУ, НАТО), предназначавшиеся для контригры против соперника уровня СССР и стран-участниц Варшавского договора, но всячески их усиливают для конфликтов будущего. Спрашивается: откуда же идет реальная опасность миру?

Монологический сценарий развития миросистемы, с учетом наличия в толще истории альтернатив, выглядит тривиально. Нужно заметить, что эмпирически “новый мировой порядок” наталкивается на контригру, носящую региональный и межрегиональный характер (например, Европейский Союз, Лига Арабских государств, Организация Исламской Конференции, Организация Африканского Единства, наконец, СНГ). Ес-

ли это так, что же определяет несовпадение целей глобализма и мондиализма – с одной стороны, и целей геокультурных и геополитических образований? Ответ, думается, здесь один: собственно цивилизационные ценности.

В свое время К.Ясперс недвусмысленно высказался именно в пользу такого расчленения истории: «История рассматривается в рамках ценностной иерархии, в ее истоках, в ее решающих этапах. Действительное членится в соответствии с тем, что существенно и что несущественно» [8, 268]. Поэтому, для характеристики сложившейся ситуации, в том числе, той, в которой пребывает восточнохристианская цивилизация, необходимо применение цивилизационного подхода, заявившего свои «права» на понимание цивилизационной динамики.

Особенности направления движения каждого из вычлененных еще в XIX веке Н.Я.Данилевским культурно-исторических типов таковы, что они являются некой результирующей: психических племенных проявлений, вероисповедных импульсов, политико-правовых механизмов, набора нравственных регулятивов и воспитательных практик, – со стороны внутренней определенности; отношений с окружающим внешним миром – природой и другими актерами исторического процесса, – с внешней стороны. Причем, как говорит автор «России и Европы», кристаллизация этнографических (племенных) элементов создается имманентным образом, путем согласования родовидовых отличий – во времени и пространстве, но телеологически она подчинена высшим началам бытия.

Для того чтобы уточнить трактовку культурно-исторических типов в «естественной системе» всемирной истории Данилевского, обратим внимание на понятие культуры, ее задания и цели. В этом отношении онтология культуры предполагает соответствующего субъекта деятельности и центральную культурную тему. У различных цивилизаций она своя. Для славянского культурно-исторического типа эта специфика задается четырьмя разрядами деятельности: 1) религиозной; 2) культурной (в узком смысле слова); 3) политической и 4) экономической, то для романо-германского, – эта деятельность ограничивается культурной и политической.

Выписывая текст «России и Европы» из существующего социально-политического и культурного мирового контекста Н.Я.Данилевский сознательно заострил внимание читающей публики на реальном, а не вымышленном межцивилизационном кон-

фликте, в который инициирован именно Западом. Вспомним, что генетически Запад прошел путем привития христианства к миру варварства и остаткам римского мира, и в его истории кристаллизовалась социальность, бытийные черты которой по сути остались нехристианскими. Вследствие тяжелого исторического метаморфоза, порожденного «великим переселением народов», отсутствием политически легитимной власти, экзогенными культурными факторами, западноевропейская цивилизация (репрезентантом которой служила империя Карла Великого), произвела целый ряд нововведений, коснувшихся, в первую очередь, вероисповедных вопросов [3, 167-184]. Казалось бы безобидная переформулировка догмата и канонических правил Церкви, привела к ценностной санации, к пересмотру всего строя жизни. Универсум западной культуры «познал» возвышение духовной столицы – Рима, неоднократно схлестнувшим свой духовный меч с императорским мечом, и он же породил из своих недр экспансивный принцип (прозелитизм), развернутый «вовне»: на не-христианские и христианские территории. Тем самым, германороманский социальный организм развил и утвердил в себе самую такую историческую черту как «насильственность» [3, 155].

Она, эта черта, сделалась, по определению Данилевского «коренною чертою», и, следовательно, всю историю Запада можно рассматривать с точки зрения насилия и внешнего принуждения над «другими» – «внутренними» врагами и не-западными народами. Более того, говоря о непрекращающемся *Drang nach Osten* на Восток, – с одной стороны, о колониальной политике европейских держав в мировом масштабе – с другой, Данилевский находил, что: «Сила и могущество Европы – в целом – в значительной степени покоится частью на костях Славянства, частью на его поте, крови и слезах» [2, 221]. В конце концов, эта частная черта западного социального характера, произвела свои коррективы в структуре самого европейского «культурно-исторического типа», замкнув весь объем деятельности на земном самоутверждении «западоида» (А.Зиновьев). Догадку Данилевского, как известно, развил А.Дж.Тойнби (книга «Мир и Запад»), показав, что экспансия в ее протиестественной форме, стала судьбой западной цивилизации. Но поскольку развитие (и шлифовка) того или иного вида деятельности у различных народов – длительный процесс, тенденции и результат которого определяют качества субъекта, его психологию и моральность, то

экспансионизм Запада можно трактовать как трансисторический феномен.

Любопытно, что уже тогда, чуткая к новейшим западным веяниям мысль Данилевского, сумела распознать в высокопарной политической риторике глав государств Запада, в амбициозных геополитических проектах, в их противоестественных политических коалициях, наконец, в их культуртрегерстве, немного-немало, – интересы потребления и наживы этого ассоциированного субъекта. Растроченные Западом великие задатки (ранее – иудео-христианские и греко-римские, ныне – просвещенческие и гуманистические) привели к редукции богатства жизненных горизонтов к пошлой материальности, которую высмеяли уже XIX веке западник А.И.Герцен и консерватор К.Н.Леонтьев.

Итак, если прибегнуть к теоретической радикализации оснований, из которых вырастает бытие культурно-исторических типов: романо-германского (евро-атлантическая система) и России (восточнославянские народы), то получается так, как если бы: на одном полюсе находился пучок (главным образом материальных, – потребительских) интересов, на другом – набор принципов, понуждающих заботиться прежде всего о нравственном содержании жизни – в духовном плане, об общем благе – в материальном. Поэтому, «славянский культурно-исторический тип» является укорененным типом, со всем необходимым для успешного исторического творчества набором жизнеустроительных стратегий. Спрашивается: могут (и должны ли) незападные цивилизации менять свой культурный код, т.е. ценностные основания на эфемерную конструкцию типа «нового мирового порядка». Ответ Данилевского однозначен: «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории, в единственно справедливом смысле этого слова; ибо опасность заключается не в политическом господстве одного государства, а в культурном господстве одного культурно-исторического типа, каково бы ни было его внутреннее политическое устройство. Настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации» [3, 361].

Как видим, здесь указана тенденция свертывания культурного разнообразия к

искусственному единству с неопределенными для иных акторов ценностно-целевыми параметрами. Чуть дальше Данилевский уточняет: «Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования – элемента разнообразия» [3, 362].

Эти слова, вполне могут быть адресованы тем политическим элитам, которые, возглавив на волне «перестройки» и «демократических реформ» государственные образования – осколки Российской империи (позже, трансформированного в СССР), протянулись в «цивилизованное сообщество», предавая забвению весь исторический опыт славянства, его духовно-нравственное содержание. Тем более, мысль Данилевского становится сверхактуальной после того, как У.Кристофер (гос.секретарь США в 1993 году), – на конференции по правам человека в Вене, – объявил о сворачивании культурного релятивизма. «Универсальный характер прав человека устанавливает единый стандарт приемлемого поведения во всем мире, стандарт, который Вашингтон будет применять ко всем странам» [12, 161]. Теперь, по кровавым следам, мы знаем, каково качество этих западных правовых стандартов...

В этой связи необходимо поставить вопрос об ответе восточных славян натиску объединенного Запада. Думается, что прав был Вл.Соловьев, когда требовал уяснения почвы сближения народов и государств. Такой почвой могут выступать либо добро, либо зло [9, 506]. Причем, когда двое объединяются в своей ненависти к третьему, – это вариант реализации зла, безотносительно к их взаимному интересу или общему для них благу. Сама ненависть свидетельствует об ущербности любых коалиций, будь-то давно несуществующих, будь-то современных. Иное дело соединение людей, культур, цивилизаций, ради поддержания нравственной организации человечества, значимых для всех целей и ценностей. Тот же Н.Я.Данилевский считал, что славяне в своей истории опирались не на односторонне понимаемые интересы, а на связанные с жизнью нравственного сознания универсальные ценности и идеалы [3, 163].

Поэтому уместно задаться вопросом: того ли чаяли наши предки, к тому ли вела вся общерусская история, чтобы теперь оказаться в роли тягловой силы западного «прогресса», чтобы вести сугубо потреби-

тельский, благодаря „успехам” мирового рынка, мещанско-потребительский образ жизни? Ответ на него можно найти у Ф.И.Тютчева, который также мучительно размышлял о судьбе “универсального” в своих притязаниях Запада, – с одной стороны, и славянской идентичности, – с другой:

Смущает их, и до испугу
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: – Это Я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознание
Как Божья кара их страшит! [11, 223]

Остается подытожить: в борьбе за мировое господство западная цивилизация рискует вот уже в который раз “нарваться”

на предельно ослабленный, но еще сохранивший (благодаря коллективной памяти, традиции, цивилизационным ценностям: отзывчивости и уживчивости, единству слова и дела, чувству справедливости, любви к правде, соборности) славянский культурно-исторический тип. Как показывает его центральная культурная тема, как (и в чем) объективирует себя его “духовная энергия” (В.Каволис), восточнохристианский мир не применит дать отпор зарвавшемуся гегемону, напрочь отбросившему христианское моральное представление о “ближнем”, и похоронившем (в который раз?) гуманизм. В таком виде западный проект, – это не проект универсализации мира, а проект его переоформатирования в однообразное культурно-антропологическое месиво.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 164 с.
2. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям! // Горе победителям. Политические статьи. – М.: Слово, 1998. – С. 180-275.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб.: Глагол, 1995. – 264 с.
4. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000.–173 с.
5. *Новиков Б.В.* Почему Россия? Сб. статей. – К.: Б.и., 2004. – 132 с.
6. *Павленко Ю.В.* Основное противоречие глобализации и его аспекты // Цивилизационные модели современности и их исторические корни/ Ю.Н.Пахомов, С.Б.Крымский, Ю.В.Павленко и др. Под ред. Ю.Н.Пахомова. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 581-589.
7. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – 352 с.
8. *Семенов Ю.Н.* Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. – М.: Старый сад, 1999. – 243 с.
9. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия// Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 47-580.
10. *Тодд Э.* После империи. PAX AMERICANA – начало конца. – М.: Международные отношения, 2004. – 386 с.
11. *Тютчев Ф.И.* Славянам // Русская звезда. Стихотворения, статьи, письма. – М.: Русская книга, 1993. – С. 223-224.
12. *Хомски Н.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. – М.: Праксис, 2003. – 396 с.
13. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 28-286.

Стаття надійшла до редакції 16.05.2007 р.

